

«Перевал»

Я, когда в сорок шестом приехал в Ульяновск, в кармане носил элитный вальтер, который меня однажды спас. Возвращался вечером домой (жили мы в Гоголевском переулке в доме Мунтяна, как раз напротив Германовской церкви), не дошел метров триста до подъезда, как меня встретила компания гоп-стопников, и намерения у них были явно не дружелюбные. Не дожидаясь, я выстрелил им под ноги дважды – растворились в темноте переулка. Ствол я потом утопил от греха в сортире – времена были непредсказуемые, не посмотрели бы, что фронтовик.

– На фронте ты бы так не сделал?

– На фронте всё было по-другому. Помню октябрь сорок шестого, вокзал в Польше, нас тогда везли на Западную Украину. Рядом с нашим эшелоном отправлялся поезд с демобилизованными ребятами, уже трогался. Тут на подножку офицерского вагона вскочил старшина, в годах, с наградами. Видимо, опаздывал. Молодой лейтенант заорал на него – вагон-то для офицеров. Старшина выразительно ответил и сплюнул. Тогда этот щенок стал колотить рукояткой пистолета по руке, а потом вытолкнул старшину. Как раз поезд встал. Повторю, вокзал был забит солдатами, офицерами, беженцами. Старшина медленно поднялся, вытер рукавом пот со лба, достал из кармана пистолет и несколько раз выстрелил в ухмыляющуюся физиономию лейтенанта. Сплюнул и не торопясь прошел в здание вокзала. Никто его не остановил. Через какое-то время прибежал патруль, оттащил труп в сторону, тем паче, что поезд тронулся уже всерьез.

– К смерти можно привыкнуть?

– Наверное, можно. Люди просто устают от ежедневного стресса, становятся равнодушными, даже к своей судьбе, жизни. Помню, как расстреливали власовцев, человек сто. Согнали их на площадь городка на Западной Украине, подо Львовом. Мы, солдатня, были в охране. Сторожили, значит. Меня тогда поразило равнодушие власовцев. Стояли спокойно, переговаривались, один постоянно зевал. Хотя прекрасно знали, что будет дальше. А дальше подошли два танка, нас вывели, а их всех покосили из танковых пулеметов. И самое страшное, это я сейчас понимаю, что никаких мук совести не испытывал.

Или такая картина. Прибалтика, наша часть была в резерве, двигались в хвосте танкового корпуса, который практически раздавил в ущелье немецкую колонну. Наши машины с трудом пробирались между обгоревшими и искореженными немецкими танками и самоходками. Солдаты шли по немецким трупам, их сотни, они устилали дорогу, лежали в придорожных канавах, под соснами, в зеленых полях ячменя. Технике приходилось ехать по трупам, так плотно они лежали на земле. День был страшно жаркий, безветренный, и люди прохо-

«Истребитель»

Картины Ю. Куликова

дили и проезжали, зажимая носы платками. Здесь кипел адский котел смерти.

Вот не менее жуткая, скорее сюрреалистическая картина. Украина, деревушка Бродня. Лесок. В нем стояла наша часть, отдыхали. Появились «фокеры», отбомбились. Причем бомбы были с контактными взрывателями и разрывались при соприкосновении с верхушками деревьев. Мало кто выжил в том лесочке. И что самое жуткое – большинство тел полураздето. Взрывной волной одежду срывало на раз.

Как там у Винокурова?

* * *

*В шинельке драной,
Без обуви
Я помню в поле мертвеца.
Толпа кровавых незабудок
Стояла около лица.
Мертвец лежал недвижно,
Глядя,
Как медлил коршун вдалеке...
И было выколото «Надя»
На обескровленной руке.*

– У тебя есть похожее стихотворение...

– «Как много на душе осталось...» Больше запоминаются и время от времени всплывают в памяти именно, вроде бы, мелочи, но они сильнее всего ранят душу. Наверное, потому что ты их как бы примеряешь на себя.

Осень. Украина. Не помню, какое село. Хата полуразбитая, огромный яблоневый сад с рядами ульев. Ужинали с большим количеством мёда, он у хозяев был в избытке – немцы не всё забрали. Ну и, естественно, фронтовые 100 грамм, потом медовуха – короче, спали хорошо. Утром просыпаюсь от грохота стрельбы. Выскакиваю на улицу, смотрю: по переулку ползет жёлтая «Пантера» и лупит из всех пулемётов. Наши разбегаются кто куда, я на двор – там тоже стрельба. Смотрю, бегут ребята по какой-то тропинке к окраине деревни – я за ними следом, хорошо, автомат не потерял, последние машины драпают из села. Как заскочил в кузов «студебеккера», до сих пор не пойму. Сажу и не соображу, чего на меня солдатня пялится, и чувствую, что-то липкое на руках, неужели зацепило? Оказывается, у меня под мышкой две соты с мёдом. Как они там оказались, зачем я их захватил – тайна. Может, поэтому я так мёд люблю...

Подготовил
Олег Юрьевич КУЛИКОВ